



Илья Тјапков*

Универзитет у Источном Сарајеву
Филозофски факултет Пале
Катедра за русистику
tyap74@mail.ru

УДК 821.161.1.09"18"(73)
<https://doi.org/10.18485/slavistika.2026.30.1.18>
Оригинални научни рад
примљен 8.1.2026.
прихваћен за штампу 5.7.2026.

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ДОСТОЕВИСТИКА: ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Статья посвящена основным направлениям изучения творчества Ф. М. Достоевского в современной американской славистике. Цель исследования состоит в выявлении ключевых исследовательских подходов, определяющих современную рецепцию наследия русского писателя в США. После краткого обзора становления американской достоевистики рассматриваются работы конца XX – начала XXI века, посвященные проблемам поэтики, психологизма, религиозно-философской проблематике и межлитературным связям творчества Достоевского. Особое внимание уделяется исследованиям, анализирующим художественное мастерство писателя, его философские и религиозные взгляды, а также его место в контексте мировой литературы. Делается вывод о возрастающей междисциплинарности современной американской достоевистики, объединяющей методы литературоведения, философии, религиоведения, психологии и культурной истории.

Ключевые слова: Достоевский, американская славистика, рецепция, литературоведение США, психоанализ, нарративная этика, междисциплинарность, философия, религиозный дискурс, компаративистика.

This article examines the principal directions of Dostoevsky studies in contemporary American Slavic scholarship. Its aim is to identify the major research approaches that shape the current interpretation of Dostoevsky's literary legacy in the United States. Following a brief overview of the development of American Dostoevsky studies, the article focuses on scholarly works published from the late twentieth century to the early twenty-first century that address Dostoevsky's poetics, psychological insights, religious and philosophical ideas, and literary connections with other writers. Particular attention is paid to studies exploring his artistic techniques, philosophical and religious thought, and his place within world literature. The article concludes that contemporary American Dostoevsky scholarship is increasingly interdisciplinary, drawing upon literary studies, philosophy, religious studies, psychology, and cultural history.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, US Slavic Studies, reception, US literary scholarship, psychoanalysis, narrative ethics, interdisciplinarity, philosophy, religious discourse, comparative literature.

* <https://orcid.org/0009-0001-1592-3305>

0. Введение

Уникальный характер русистики в целом и изучения Достоевского в частности в США заключается в том, что в своей основе она во многом складывалась благодаря усилиям выходцев из славянских стран и их потомков, которые воплощали в своих научных трудах не только академический, но и в значительной степени ментальный интерес к русской литературе и ее распространению за рубежами России. В то же время американские русисты, зачастую попадавшие в США не по своей воле на волнах разных поколений эмиграции, были, как правило, отягощены мотивами «изгнанничества», «возмездия», располосованности на дихотомии «западников» и «славянофилов», «монархистов» и «республиканцев», «правых» и «левых» и др. Поэтому рецепция исследований американских русистов, как, впрочем, и многих русистов Западной Европы, должна по необходимости учитывать исторически сложившуюся «дополнительность», подвергающую академические наблюдения и выводы некой идеологической аберрации.

Цель настоящей статьи заключается не в создании исчерпывающей истории американской достоевистики, а в выявлении основных исследовательских направлений, определяющих современное изучение творчества Ф. М. Достоевского в США. Особое внимание уделяется работам конца XX – начала XXI веков, поскольку именно в этот период американское литературоведение переходит от преимущественно идеологизированных и методологически редуccionистских интерпретаций к более дифференцированному и междисциплинарному осмыслению наследия русского классика.

1. Достоевский в литературоведении США: история вопроса и характеристика основных направлений исследования XIX–XX веков

Еще в XIX веке родоначальница американской русистики Талвь¹ в книге *Historical View of the Languages and Literatures of the Slavic Nations...* (*Talvj* 1850) отмечала «пагубное», по ее мнению, влияние «современных философских школ» на русскую литературу (*Talvj* 1850: 85). В этом контексте показательно, что Достоевский как философ регулярно оказывается в поле зрения американских исследователей.

1 Под псевдонимом Талвь скрывалась Тереза фон Якоб (Робинсон), дочь немецкого профессора Харьковского университета, хорошо владевшая русским языком и занимавшаяся сравнительными исследованиями славянской и германской фольклористики, включая переводы сербских народных песен на немецкий язык.

Как и в случае с британскими учеными, на первом этапе большой интерес вызывал Тургенев как «европейский» писатель. Однако интерес ученых – вероятно, вслед за предпочтениями читателей – быстро сдвинулся в пользу Л. Толстого и Достоевского, чему во многом способствовали качественные переводы русских классиков. По этой причине оба писателя стали все чаще попадать в поле зрения литературоведов, зачастую в рамках одной работы. Подобная традиция сохраняется и в настоящее время. Два гиганта русской литературы – Достоевский и Толстой – одинаково широко известны среди читателей в США, но все-таки Достоевский больше вдохновляет ученых и критиков.

Достоевский, пожалуй, чаще других писателей провоцирует дискуссии и побуждает ученых к исследованиям и критике. В 1921 году в Колумбийском университете была защищена докторская диссертация Аврама Ярмолинского *Dostoevski. A Study of his Ideology* (Yarmolinsky 1921). В 1934 году тем же автором написана биография *Dostoevsky: A Life*. (Yarmolinsky 1934). Позднее интерес все более возрастал. Две работы об «Идиоте» рассматривают роман широко с дивергентных теоретических позиций: Элизабет Далтон написала исследование с точки зрения психоанализа – *Unconscious Structure in "The Idiot": A Study in Literature and Psychoanalysis* (Dalton 1979); Робин Фойер Миллер с позиций модифицированного структурализма – *Dostoevsky and the Idiot: Author, Narrator, and Reader* (Miller 1981).

Уже с начала 1920-х годов в США появляются многочисленные монографии о русских писателях, включая Достоевского, основанные большей частью на фрейдовской методологии и контрастном преувеличении дихотомии Восток–Запад. Главным образом это были работы в жанре критико-биографических очерков.²

2 По общему признанию, наиболее авторитетным жизнеописанием писателя и одной из крупнейших литературных биографий второй половины XX века считается удостоенная многочисленных наград пятитомная биография Достоевского, созданная Джозефом Франком. В 2010-м году монументальный труд объемом около 2500 страниц вышел в сжатом и доступном для чтения однотомнике с новым предисловием автора: *Dostoevsky: A Writer in His Time* (Frank 2010). Сохраняя характерное сочетание биографического повествования, интеллектуальной истории и литературного анализа, книга рассматривает весь творческий путь писателя, помещая его произведения в личный, исторический и прежде всего идейный контекст. В результате перед читателем предстает не просто биография, а широкая культурная история России XIX века и глубокая переоценка жизни и наследия Достоевского.

В сходном жанре создан трехтомник Томаса Марулло *A Life in Letters, Memoirs, and Criticism* (Marullo 2016, 2020, 2024) о молодом Достоевском, который представляет собой дневниковый портрет его ранних лет, основанный на письмах,

В ходе и после Второй мировой войны филологический уровень американской славистики значительно возрос благодаря притоку видных ученых, эмигрировавших из европейских стран. С самого начала американской славистики большое внимание уделялось выработке основного методологического инструментария исследования.

В большинстве компаративистских работ американских славистов присутствует мысль о наднациональности искусства слова, противостоящей любым националистическим интерпретациям. При этом идея «денационализации» литературных связей также связана с мотивом «европеизации», с утверждением западных приоритетов в мировой художественной литературе и соответственным принижением роли русской литературы. Очень наглядно эта тенденция проявляется в компаративных библиографиях, где славистике отводится достаточно скромное место.

Коррекция взглядов западных литературоведов на «европеизм» Достоевского произошла не только, что называется, «под влиянием времени», но и благодаря все более усиливающемуся воздействию на них работ российских ученых и, в первую очередь, М. М. Бахтина.³ После Бахтина, к примеру, западная русистика, рассматривавшая «сновидческие» формы письма автора «Братьев Карамазовых», не могла не учитывать мнение гениального российского ученого о том, что Достоевский «очень широко использовал художественные возможности сна почти во всех его вариациях и оттенках. Пожалуй, во всей европейской литературе нет писателя (выделено мной – И. Т.), в творчестве которого сны играли бы такую большую и существенную роль, как у Достоевского» (Бахтин 1979: 172). Достоевский-«приспо-

мемуарах и критике писателя, а также на свидетельствах семьи и друзей, читателей и рецензентов, наблюдателей и участников его жизни.

- 3 В XXI-м веке новаторская монография Алины Уайман *The Gift of Active Empathy. Scheler, Bakhtin, and Dostoevsky* (Wyman 2016) посвящена анализу активной эмпатии как этически и духовно значимого феномена в контексте философии Шелера, ранних работ Бахтина и творчества Достоевского. Автор показывает, как идеи эмпатии и диалогичности формируют основу человеческого единения у Достоевского, исследует ее возможности, ограничения и искажения в художественном мире писателя и предлагает новые интерпретации образов князя Мышкина и Алеши Карамазова.

Развивает и переосмысливает идеи Бахтина Линн Эллен Патык в своей книге *Dostoevsky's Provocateurs* Patyk, L. E. (2023), в которой она рассматривает провокацию как ключевую коммуникативную и поэтическую стратегию Достоевского, определяющую его искусство конфликта. Автор показывает, что провокация у Достоевского связана с вопросами моральной ответственности, идентичности и истины и сохраняет особую актуальность в культуре современного внимания.

сабливатель» обретал более справедливый и естественный для него статус оригинального художника и мыслителя, открывающего своими творениями новый дискурс в художественном постижении мира. Американский исследователь Роберт Джексон считает, что феномен сновидений Достоевский рассматривал как некую структуру эстетического сознания, аналогичную собственно произведению искусства, как феномен, конфигуративно, пластично выражающий все аспекты реальности, в которой живет человек (*Jackson 1981*). С определенного времени в большинстве зарубежных исследований о Достоевском уже не подвергается сомнению ярко выраженная национальная самобытность великого русского писателя (*Jackson 1981, 1993; Perlina 1985; Jones 1990; Meerson 1998* и др.).

Однако Достоевский, как, впрочем, и многие другие русские писатели, часто рассматривается в каком-либо чрезмерно обобщающем «покрывающем дискурсе», который нивелирует национальную, эстетическую, этическую и иную своеобычность художника, растворяет в теоретических моделях его уникальность. Данное явление, которое можно назвать «обаянием методологии», отчетливо проявилось в период отмеченного выше массового увлечения западных ученых З. Фрейдом и, позднее, К. Юнгом, когда профетические художественные творения Достоевского укладывались на *сциентистские* психоаналитические матрицы в поисках доводов, подтверждающих ту или иную заранее принятую теоретическую установку.

Подобная угроза «покрывающего дискурса» возникает и в современных увлечениях архетипичностью, онтологизмом, религиозным имманентизмом, синергийностью и другими слишком широкими для филолого-аналитических целей модными подходами к искусству слова (*Belknap 1990; Rosenshield 1991: 317–327; Miller 1992*), которое, на самом деле, более нуждается в вычленении в нем уникального, нежели общего.

Методологические принципы, применяемые к творчеству Достоевского, распространяются американскими учеными и на других русских писателей и не только в области использования психоаналитических матриц. «Вестернизируется», например, мифологизм произведений русских писателей, из которых и в этих случаях выхолащиваются любые приметы национально-мифологических корреляций и выводятся на первый план «общечеловеческие» параметры мифа. О мифологическом строении и мифе как основе единства техники письма у Достоевского в разные годы пишут разные авторы (*Matlaw 1957; Cooke 1992; Kodjak et al. 1985*).

Вместе с изучением влияния англоязычной культуры на русских писателей⁴ самое пристальное внимание уделялось и проблемам распространения русской литературы в США и Европе.

4 О влиянии французской литературы смотри удостоенную премии Университета Южной Калифорнии Американской ассоциации содействия славянским

Значительный материал по этой теме, включающий обширную библиографию, собран в книге Эллен Мучник *Dostoevsky's English Reputation. 1881–1936* (Muchnic 1969).

В центре внимания нашей статьи, как отмечалось выше, находятся работы конца XX – начала XXI века, в которых наиболее отчетливо проявляются современные методологические тенденции американской славистики.

2. Основные исследовательские подходы в американской славистике XXI века

Поскольку великий русский классик нередко рассматривается не только как писатель, но и как религиозный мыслитель, философ, психолог и т. д., мы сочли целесообразным рассмотреть различные интерпретации его наследия по основным исследовательским направлениям, представленным в американском литературоведении. При этом мы с разной степенью погруженности обращаемся к указанным аспектам, учитывая разнообразие дискурсивных, парадигматических, тематических и методологических подходов. Корпус исследований достаточно обширен и разнороден, поэтому в рамках формата журнальной статьи мы сосредоточимся на наиболее значимых, по нашей оценке, работах, ограничиваясь упоминанием остальных в виде ссылок.

2.1. Достоевский – мастер художественного слова

Известный исследователь Достоевского Робин Фойер Миллер в своей написанной в жанре «внимательного чтения» книге *Dostoevsky's Unfinished Journey* (Miller 2007) предлагает многоплановый анализ ключевых произведений Достоевского, направленный на выявление их актуальности для современного читателя. Сочетая теоретическую глубину с ясностью изложения, исследование рассматривает творчество Достоевского через проблемы памяти, читательского восприятия, интертекстуальности и духовной трансформации. Автор показывает, что художественный мир писателя строится как пространство непрерывного поиска истины, предполагающего активное участие читателя в процессе смыслообразования. Опираясь на концепцию обращения

исследованиям книгу Присциллы Мейер *How the Russians Read the French. Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy* (Meyer 2010), посвященную тому, как русские писатели XIX века осмыслили французскую культуру как главный европейский ориентир и одновременно как объект критического отталкивания. На материале Лермонтова, Достоевского и Толстого показано, как диалог с французской традицией позволяет выстроить антитезу западному сенсационализму и, по их мнению, духовной бедности западной культуры, и сформировать собственную, духовно, морально и философски нагруженную модель русской национальной литературы.

и исцеления, Миллер анализирует духовные и художественные трансформации в прозе Достоевского, уделяя внимание феномену «идей в воздухе».

В книге *Dostoevsky's Secrets: Reading Against the Grain* (Apollonio 2009) Кэрл Аполлонио предлагает читать Достоевского, исходя из его самоопределения как «реалиста в высшем смысле», и показывает, что за фактической стороной романов скрыта более глубокая правда, которую факты одновременно маскируют, искажают и обнаруживают. Исследовательница анализирует, как произведения строятся через компрометирующие, эгоцентричные и искажающие оптики повествования, а также через недомолвки и внутренние противоречия, выявляя многослойность событий и мотивов. Такой подход развивает у читателя критическую чувствительность, разрушает привычные представления о мире и открывает путь к более глубокой, имманентной реальности текста.

Исследователей давно привлекают творческие поиски жанра, проявившиеся на протяжении всей литературной карьеры Достоевского. В книге *The Novel in the Age of Disintegration. Dostoevsky and the Problem of Genre in the 1870s* (Holland 2013) Кейт Холланд анализирует жанровые поиски позднего Достоевского. По мнению исследовательницы, обращение писателя к новым формам романа было связано со стремлением художественно осмыслить социальный и духовный кризис пореформенной России.

К проблеме писательской «кухни» и поиска адекватного художественного выражения своих идей обращается и Грета Мацнер-Гор в своей книге *Dostoevsky and the Ethics of Narrative Form. Suspense, Closure, Minor Characters* (Matzner-Gore 2020), где Достоевский трактуется как мастер «триллера» и «саспенса».

Автор исследует взаимосвязь повествовательной техники и этической проблематики в произведениях Достоевского, небезосновательно утверждая, что такие элементы формы, как напряжение, развязка и распределение ролей между персонажами, для Достоевского являются не только эстетическими, но и нравственными категориями. Благодаря этому русский классик предвосхитил ряд наиболее значимых современных дискуссий в области этики повествования.

В монографии *A Devil's Vaudeville. The Demonic in Dostoevsky's Major Fiction* (Leatherbarrow 2005) Уильям Летербарроу с оригинальных позиций исследует присутствие «демонического» в ключевых произведениях Достоевского. Летербарроу рассматривает систему демонических образов и мотивов как важнейший элемент поэтики Достоевского. Исследование демонстрирует, что «демоническое» выступает не отдельной темой, а принципом организации художественного мира писателя. Нередко предлагая нестандартные интерпретации, Летербарроу сопоставляет «язык демонического» с публицистикой и эпистолярным наследием Достоевского, прежде всего с его раз-

мышлениями о России и Западной Европе. Анализ нарративных и жанровых стратегий позволяет исследователю по-новому прочесть знакомые мотивы и углубить понимание сложности и многослойности творчества писателя.

Автор книги *First Words. On Dostoevsky's Introductions* (Bagby 2015) Льюис Бэгби впервые систематически исследует предисловия Достоевского. Опираясь на концепции Ж. Женетта и М. Бахтина, исследователь показывает, что эти тексты выполняют важную поэтологическую функцию и являются не внешним дополнением к произведению, а существенным элементом авторской стратегии.

Не обошли вниманием исследователи нашего века и тему сексуальности в произведениях Достоевского.

В книге *Discovering Sexuality in Dostoevsky* (Fusso 2006) Сюзанна Фуссо предлагает альтернативу ставшим традиционными психоаналитическим интерпретациям сексуальности у Достоевского. Рассматривая проблему в историко-культурном, дофрейдистском контексте XIX века, автор показывает, каким образом писатель вырабатывал художественный язык для изображения сексуального опыта и взросления. Соотнося тексты Достоевского с социальным фоном XIX века и акцентируя внимание на практиках, воспринимавшихся на тот момент как девиантные, автор выявляет одну из ключевых смысловых линий его поэтики и уточняет логику творческого метода писателя.

Переходя от общих работ, посвященных творчеству Достоевского в целом, обратимся к монографии, которая сосредоточена на анализе конкретного, пожалуй, самого популярного произведения писателя.

Книгу Деборы Мартинсен *Dostoevsky's Crime and Punishment: A Reader's Guide* (Martinsen 2022), написанную в весьма распространенном в англоязычном литературоведении (не только русистике) жанре некоего «читательского путеводителя» по художественному произведению, можно считать своеобразным итогом современных нарратологических исследований. Представляя собой поглавный аналитический комментарий к роману «Преступление и наказание», книга рассматривает произведение Достоевского как сложную систему повествовательных и этических стратегий, определяющих восприятие читателем проблем преступления, вины и ответственности. Сосредоточившись на повествовательной организации романа, отличающейся от традиционного детективного жанра, анализе ключевых идеологических конфликтов текста и механизмах читательского восприятия, исследовательница показывает, каким образом нарративная структура романа формирует этическую перспективу читателя и определяет интерпретацию поступков Раскольникова.

В ряду подробных исследований отдельных романов классика интересны также два сборника, каждый из которых посвящен двум произведениям заметно разного масштаба.



Сборник *A New Word on "The Brothers Karamazov"* (Jackson 2004), отредактированный одним из ведущих американских специалистов по Достоевскому Робертом Джексон, включает 17 оригинальных исследований авторов различных сфер научных интересов и методологических подходов, но объединенных убежденностью в том, что последний и величайший роман писателя сохраняет исключительную актуальность.

Опираясь на другие произведения Достоевского, его публицистику и переписку, труды современников и контекст русской культуры, авторы также привлекают методы смежных гуманитарных дисциплин, новейшие теоретические подходы и критические идеи. Ряд работ предлагает радикально новаторские интерпретации, пересматривающие устоявшиеся представления о романе. Рассматривая «Братьев Карамазовых» в широком спектре жанров и дискурсов, эссе сборника на аналитическом уровне воспроизводят поиск целостности, смысла и гармонии, которые продолжают определять значимость романа и сегодня.

Том *Dostoevsky's "The Gambler": The Allure of the Wheel* (Evdokimova 2024) стал первым англоязычным коллективным исследованием, полностью посвященным роману «Игрок». Авторы рассматривают азартную игру не только как психологическую зависимость, но и как культурный, философский и экзистенциальный феномен, связанный с проблемами свободы, риска, выбора и творчества.

В работе приняли участие специалисты из различных областей – психиатрии, психологии, философии, литературоведения и музыковедения, – которые рассматривают отношение Достоевского к азартным играм как к фундаментальной проблеме человеческого существования, значимой для философии, религии и эстетики.

Рассмотренные исследования свидетельствуют о заметном смещении интереса современной американской достоевистики от идеологической проблематики к вопросам поэтики. В центре внимания оказываются повествовательные стратегии, жанровые эксперименты, организация читательского восприятия и этические аспекты художественной формы.

2.2. Достоевский – писатель-психолог

В этом подразделе коротко опишем две монографии, в которых анализ произведений Достоевского имеет ярко выраженную психологическую доминанту.

Книга Деборы Мартинсен *Surprised by Shame. Dostoevsky's Liars and Narrative Exposure* (Martinsen 2003) балансирует между исследованием Достоевского как писателя и как психолога, объединяя психологию стыда с литературной критикой. Исходя из представления Достоевского о стыде как

источнике лжи, Мартинсен анализирует сцены разоблачения лжецов и показывает, как эффект «удивления стыдом» сокращает дистанцию между читателем и персонажами, эмоционально вовлекая его в этическое переживание взаимосвязанности людей. На материале романов «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы» исследуется, как стыд и бесстыдство становятся элементами повествовательной динамики, а ложь – средством выявления подсознательных процессов. Такой подход открывает новые перспективы восприятия Достоевского как пророка насилия, порожденного стыдом, расширяет понимание влияния писателя на мыслителей и литераторов XX века и подчеркивает актуальность его этического и психологического наследия в XXI веке.

В психологическом ключе творчество Достоевского рассматривается в книге Юрия Корригана *Dostoevsky and the Riddle of the Self* (Corrigan 2017). Автор обращает внимание на некоторый парадокс в мировоззренческой позиции Достоевского. Резко критикуя идею индивидуальной автономии, Достоевский вместе с тем последовательно отстаивал свободу и неприкосновенность личности. Эта внутренняя противоречивость, по мнению исследователя, во многом определила сложность и многослойность наследия писателя, превратив его одновременно в предтечу психоанализа, одного из прародителей экзистенциалистской мысли, авангардного постмодерниста, религиозного традиционалиста и романтического мистика. Корриган рассматривает творчество Достоевского как последовательное исследование природы человеческого «я». Анализируя поздние романы писателя, автор показывает, каким образом проблема самосознания становится центральной темой его художественных экспериментов.

Корриган аргументированно предлагает принципиальный пересмотр устоявшихся представлений о творчестве Достоевского, который может вызвать интерес специалистов по русской литературе, а также читателей, изучающих истоки психоанализа, исследования травмы, теории самосознания и их культурно-исторические основания.

Представляется показательным, что для современных исследователей психологизм Достоевского представляет интерес не столько как предвосхищение психоанализа, сколько как оригинальная художественная модель исследования человеческого сознания и межличностных отношений.

2.3. Достоевский и другие писатели

Среди работ по классической межнациональной компаративистике в XXI веке обращают на себя внимание две значимые работы: *Walker Percy, Fyodor Dostoevsky, and the Search for Influence* (Wilson 2017); *Giving the Devil His Due: Demonic Authority in the Fiction of Flannery O'Connor and Fyodor Dostoevsky* (Wilson 2017). Обе опубликованы в 2017 году, обе принадлежат

Джеессике Вилсон и посвящены сопоставлению творчества Достоевского с прозой писателей американского Юга, представителей «южной готики». В первом случае исследуется влияние русского писателя на Уокера Перси, в другом – типологическое сходство художественного мира Достоевского и Фланнери О'Коннор. Оба исследования демонстрируют продуктивность религиозной проблематики как основы межлитературного диалога.

Однако при более широком, современном понимании компаративного метода, допускающего его применение внутри одной национальной литературы, на уровне внутрилитературной компаративистики обнаруживается еще ряд примечательных исследований.

Начнем со сборника под редакцией Элизабет Аллен *Before They Were Titans. Essays on the Early Works of Dostoevsky and Tolstoy* (Allen 2015).

Том посвящен раннему творчеству двух крупнейших русских писателей. Авторы десяти исследований анализируют произведения начального периода их литературной деятельности, выявляя как точки соприкосновения, так и будущие расхождения в художественном развитии Достоевского и Толстого. Особое внимание уделяется тем особенностям поэтики и проблематики, которые впоследствии определяют зрелое творчество обоих авторов. Сборник демонстрирует самостоятельную художественную ценность ранних произведений и показывает, что многие черты поздней поэтики проявились уже на этапе становления писателей.

В книге *Mimetic Lives. Tolstoy, Dostoevsky, and Character in the Novel* (Kitzinger 2021) Хлоя Китцингер исследует способы создания эффекта жизненной достоверности персонажей у Толстого и Достоевского. Анализируя ключевые романы обоих авторов, исследовательница рассматривает соотношение миметической иллюзии и формальных ограничений жанра. Особое внимание уделяется механизмам формирования читательского ощущения «живого присутствия» литературного героя. В результате работа предлагает новое осмысление возможностей реалистического романа и его воздействия на читателя.

В книге Анны А. Берман *Siblings in Tolstoy and Dostoevsky. The Path to Universal Brotherhood* (Berman 2015) исследуется значение отношений между братьями и сестрами в творчестве двух писателей. Автор показывает, что эти связи выступают важным фактором преодоления семейных конфликтов и нравственной разобщенности. Анализируя ключевые произведения Достоевского и Толстого, Берман прослеживает эволюцию образа братства от семейной модели к идее всеобщей человеческой солидарности. Тем самым мотив братства предстает как важный элемент художественной антропологии обоих авторов.

Работа Донны Орвин *Consequences of Consciousness: Turgenev, Dostoevsky and Tolstoy* (Orwin 2007) посвящена русской психологической

прозе XIX века и роли западной философии в формировании русской культурной идентичности. Исследовательница показывает, что Тургенев, Достоевский и Толстой по-разному конструируют художественную субъективность, сохраняя при этом внимание к сложности внутреннего мира человека. Особый интерес представляет анализ литературных диалогов между тремя авторами и их различных моделей осмысления личности. Работа позволяет рассматривать их творчество как единое интеллектуальное пространство русской культуры.

Книга Гэри Розеншилда *Challenging the Bard: Dostoevsky and Pushkin. A Study of Literary Relationship* (Rosenschild 2013) посвящена сложному и противоречивому отношению Достоевского к Пушкину. Автор показывает, как ранний Достоевский вступает в диалог с пушкинским наследием – поначалу оспаривая его, перерабатывая и трансформируя – и как именно это творческое противопоставление стало важным этапом его собственного становления. Анализируя произведения Достоевского до 1866 года, Розеншилд предлагает новый взгляд на динамику литературного влияния и на роль Пушкина в формировании поэтики Достоевского.

Учитывая, мягко говоря, «прохладное» отношение Набокова к фигуре Достоевского, довольно смелой нам представляется попытка объединения этих двух авторов по принципу общности их этических позиций, выражаемых с помощью сходных художественных средств.

В книге *Reader as Accomplice. Narrative Ethics in Dostoevsky and Nabokov* (Spektor 2020) анализируется, каким образом оба писателя воздействуют на моральное воображение читателя, вовлекая его в этические дилеммы, заложенные в самой структуре повествования. Опираясь на достижения нарративной этики, Александр Спектор выявляет неожиданные параллели между поэтиками Достоевского и Набокова, несмотря на различие их эстетических установок и литературных эпох. Особое внимание исследователь уделяет механизмам читательского соучастия и тем формам нравственной ответственности, которые возникают в процессе чтения. Тем самым книга показывает, что этическое воздействие литературы осуществляется не только через содержание произведения, но и через способы организации повествования.

Еще более неожиданным, и оттого еще более интересным, выглядит исследовательское погружение Достоевского, часто – и часто небезосновательно – обвиняемого в антисемитизме, в контекст еврейской культуры, литературы и философской мысли.⁵

5 Националистические и антисемитские воззрения Достоевского долгое время создавали проблемы для его читателей и критиков. По мнению Сюзан Макрейнольдз (McReynolds 2008), сформулированному в книге *Redemption and the Merchant God. Dostoevsky's Economy of Salvation and Antisemitism*, на первый

В книге *The Trace of Judaism. Dostoevsky, Babel, Mandelstam, Levinas* (Vinokur 2009) русская литература переосмысливается через философию Эммануэля Левинаса, чья этическая мысль во многом сформировалась в диалоге с Достоевским. Сопоставляя произведения Достоевского, Бабея и Мандельштама с текстами Левинаса, Винокур исследует взаимосвязь русской и еврейской традиций, а также неразрывное переплетение этического и эстетического начал. Автор показывает, что литература выступает особым пространством этического опыта, где встреча с Другим порождает одновременно моральные и художественные обязательства.⁶

Компаративные исследования показывают, что творчество Достоевского продолжает функционировать как важнейшая точка межкультурного и межлитературного диалога. При этом современная компаративистика все чаще сосредоточивается не на поиске прямых влияний, а на выявлении типологических сходств и общих интеллектуальных проблем.

2.4. Достоевский и религия

Любой читатель Достоевского сразу замечает центральную роль религии в его художественном мире. Вместе с тем выделить единый набор религиозных убеждений и приписать их автору крайне сложно.

Так, например, исследователи Касседи и Бланк рассматривают Достоевского прежде всего как религиозного мыслителя.

Стивен Касседи в монографии *Dostoevsky's Religion* (Cassedy 2005) предлагает новую интерпретацию религиозного мировоззрения Достоевского, рассматривая его не как целостную систему догматических убеждений, а как пространство напряженного духовного поиска. Исследователь показывает, что в произведениях писателя сосуществуют различные и порой противоречивые религиозные позиции – от христианского универсализма до национально-мессианских представлений. Особое внимание уделяется взаимосвязи веры и сомнения, свободы и нравственной ответственности. Касседи подробно прослеживает интеллектуальные источники религиоз-

взгляд загадочное сосуществование гуманизма и ненависти, веры и сомнения на самом деле закономерно, а корни национализма Достоевского лежат в тревогах за христианство.

- 6 Анализ использования русского варианта еврейского стереотипа как художественного и идеологического инструмента в произведениях трех русских писателей XIX века, рассматривается в книге Гари Розеншильда *The Ridiculous Jew. The Exploitation and Transformation of a Stereotype in Gogol, Turgenev, and Dostoevsky* (Rosenschild 2008). Автор показывает, как глубоко встроенный стереотип обретает автономию, трансформирует тексты и нередко подрывает авторские намерения, создавая напряженное пространство интерпретации для читателя.

ных идей Достоевского и демонстрирует их сложную эволюцию. Сильной стороной исследования является отказ от сведения религиозности писателя к единой мировоззренческой формуле.

Ксана Бланк в книге *Dostoevsky's Dialectics and the Problem of Sin* (Blank 2010) исследует философско-религиозные основания творчества Достоевского, рассматривая его мышление как принципиально диалогическое и антиномичное. Сопоставляя произведения писателя с идеями китайской философии, русских символистов, Михаила Бахтина и западных интерпретаторов, исследовательница показывает многослойность его мировоззрения. Особое место в работе занимают категории греха и спасения, истины и красоты. По мнению Бланк, истина у Достоевского не является фиксированной данностью, а раскрывается через столкновение противоположных позиций. Такой подход позволяет рассматривать его религиозную философию как динамический процесс духовного поиска.

Несмотря на различие подходов, оба исследователя рассматривают религиозное мировоззрение Достоевского как внутренне противоречивую и динамическую систему. В центре внимания оказывается не догматическая завершенность его взглядов, а напряженный диалог между верой и сомнением, грехом и спасением, истиной и свободой.

Набоков замечал, что многие герои Достоевского «грехом идут к Иисусу». На самом деле Христос остается неуловимой фигурой не только в романах Достоевского, но и в русской литературе в целом. В условиях секуляризма и развития библейской критики XIX века прямое изображение Христа становилось проблематичным, поэтому русские писатели обращались к нему косвенными, часто апофатическими путями.

Христологическая проблематика в творчестве Достоевского рассматривается в монографиях Гивенса и Континио.

Книга Джона Гивенса *The Image of Christ in Russian Literature. Dostoevsky, Tolstoy, Bulgakov, Pasternak* (Givens 2018) показывает, что у этих авторов образ Иисуса формируется через отрицание, сомнение и даже атеистические жесты, выступающие способом более глубокого постижения Христа. Это первое англоязычное исследование, посвященное образу Христа в русской литературе, подчеркивает значение апофатизма как богословской практики и литературного метода. Оно также демонстрирует роль скептицизма в формировании образов Иисуса у русских писателей, чьи личные сомнения породили одни из самых провокационных и долговечных представлений Христа в мировой литературе.

В своей книге *Dostoevsky's Incarnational Realism Finding Christ among the Karamazovs* (Contino 2020) Пол Континио предлагает богословское прочтение великого романа, рассматривая текст через призму «воплощенного реализма», определяющего как его художественное единство, так и духов-

ный путь Алеши Карамазова. В центре анализа – фигура старца Зосимы, идея ответственности «перед всеми и за всех», отношения Алеши с братьями и его созидательное влияние на окружающих, что позволяет автору выявить финальный мотив надежды в романе. Контини показывает, что богословские смыслы романа раскрываются не через отвлеченные идеи, а через систему человеческих отношений и нравственных поступков героев.

Если Гивенс исследует образ Христа в широком контексте русской литературы, то Контини сосредотачивается на его художественном воплощении в «Братьях Карамазовых». В обоих случаях фигура Христа рассматривается как смыслообразующий центр художественного мира Достоевского.

Религиозные взгляды Достоевского исследованы достаточно подробно. Однако лишь книга Элизабет Блейк *Dostoevsky and the Catholic Underground* (Blake 2014) предлагает первое систематическое исследование отношений Достоевского с католицизмом, выходя за рамки традиционного объяснения его антикатолических позиций славянофильством. На основании детального прочтения и тонкого анализа текстов, автор показывает внутреннюю противоречивость этих отношений – сочетание неприятия и восхищения различными формами католической традиции. Блейк рассматривает католицизм как важный художественный, политический и интеллектуальный ресурс в мышлении писателя, анализ которого дополняется широким историческим контекстом европейских революционных движений XIX века. Таким образом, работа Блейк занимает особое место в исследовании взаимоотношений Достоевского с католицизмом, позволяя уточнить представления о конфессиональных основаниях его мировоззрения.

Уже более широкий этический и философский, нежели сугубо религиозный, взгляд демонстрирует Анна Шур в книге *Wages of Evil. Dostoevsky and Punishment* (Schur 2013), где она анализирует представления Достоевского о наказании, помещая их между христианской этикой и современными писателю дискуссиями о теории и практике уголовного правосудия. Она показывает, что его понимание наказания и милосердия носит внутренне амбивалентный характер и связано с убежденностью в непостижимости человеческого «я», что препятствует однозначному соотнесению преступления и кары. При этом, по мнению Шур, Достоевский последовательно настаивает на том, что подлинный смысл наказания заключается в возможности нравственного преображения виновного. Тем самым исследовательница показывает, что проблема наказания у Достоевского выходит далеко за пределы юридической сферы и приобретает философско-антропологическое значение.⁷

7 Книга Гэри Розеншилда *Western Law, Russian Justice. Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law* (Rosenschild 2005) предлагает в свою очередь интерпретацию «Братьев Карамазовых» через анализ судебной проблематики, показывая, как

Еще более междисциплинарный подход представлен в сборнике *Dostoevsky Beyond Dostoevsky. Science, Religion, Philosophy* (Evdokimova et al. 2016) под редакцией Светланы Евдокимовой и Владимира Гольдштейна. Авторы рассматривают творчество Достоевского в широком контексте интеллектуальной истории XIX века, объединяя литературоведческие, философские, религиоведческие и социокультурные подходы. Особое внимание уделяется взаимодействию литературы с наукой, философией и общественной мыслью эпохи. В ряде работ анализируются реальные и воображаемые диалоги Достоевского с мыслителями различных традиций. Сборник демонстрирует высокую степень междисциплинарности современной американской достоевистики и стремление рассматривать наследие писателя в максимально широком культурном контексте.

Таким образом, религиозная проблематика остается одним из наиболее устойчивых направлений современной американской достоевистики. При этом исследовательский интерес постепенно смещается от реконструкции собственно религиозных взглядов писателя к анализу способов художественного воплощения религиозного опыта, образа Христа, проблем греха, ответственности и нравственного выбора. Характерной особенностью современных работ является их междисциплинарный характер, позволяющий рассматривать творчество Достоевского на пересечении литературоведения, богословия, философии и культурной истории.

2.5. Достоевский – философ

2.5.1. *Философская антропология.* Несмотря на отсутствие формальной философской подготовки, Достоевский был писателем с ярко выраженной философской направленностью. Джеймс П. Сканлан в своей книге *Dostoevsky the Thinker* (Scanlan 2002) впервые комплексно исследует философские взгляды писателя, опираясь не только на романы, но и на эссе, письма и записные книжки. Сканлан показывает, что мышление Достоевского антропоцентрично, сосредоточено на понимании человеческой природы, а темы религии, этики, эстетики, истории и русского национального самосознания помогают осмыслить, что значит быть человеком. Исследование также выявляет систематичность и глубину его философии, обсуждая и спорные идеи, такие как мессианское представление о России как «богоносной» нации.

Достоевский использует образы суда в политическом и идеологическом контексте своей эпохи. Соотнося его критику с современными направлениями исследований «право и литература», автор выявляет актуальность романа для междисциплинарных гуманитарных и правовых дискуссий.

Исследование Сканлана фактически задает философскую рамку большинству последующих работ о Достоевском, рассматривая его прежде всего как мыслителя, сосредоточенного на проблеме человека.

2.5.2. *Достоевский и европейская философская традиция.* По прошествии более ста лет произведения Достоевского и Ницше по-прежнему сохраняют свою интеллектуальную и философскую значимость. Ницше открыто признавал влияние Достоевского, указывая как на близость их идей, так и на точки пересечения в проблематике. Обоих мыслителей нередко рассматривают как предшественников того направления, которое впоследствии получило название экзистенциализма. Эссе, вошедшие в сборник *Nietzsche and Dostoevsky. Philosophy, Morality, Tragedy* (Love and Metzger (eds.) 2016), предлагают новые ракурсы осмысления их взаимосвязей, проливающих свет на ключевые линии интеллектуальной истории XX века. Авторы рассматривают проблемы морали без Бога, трагического опыта, страдания и пределов разума, подчеркивая значение экзистенциального вопрошания как ключевого элемента творчества Достоевского и Ницше.

2.5.3. *Социальная и политическая философия.* Взаимосвязь философских и социально-политических взглядов Достоевского анализируется в работе Нэнси Руттенбург. Книга *Dostoevsky's Democracy* (Ruttenburg 2008) предлагает переоценку жизни и творчества писателя, сосредотачиваясь на переходном периоде между его ранними произведениями и романами 1860-х годов. Руттенбург показывает, что опыт сибирской ссылки и общение с простыми людьми привели Достоевского к осмыслению русского «демократизма», а не только к традиционной интерпретации кризиса веры и реакционной политики. Исследование раскрывает влияние этого периода на его художественное и политическое развитие, а также на формирование русской современности, включая тему освобождения крестьян.

Рассмотренные исследования показывают, что современная американская философская рецепция Достоевского демонстрирует отход от представления о нем исключительно как о религиозном мыслителе. Она развивается в нескольких взаимосвязанных направлениях – философской антропологии, экзистенциальной проблематики и социально-политической мысли. При этом центральным объектом анализа остается человек, а именно проблемы свободы, природы личности, моральной ответственности, социального устройства и духовного выбора.

3. Заключение

Проведенный обзор позволяет выделить несколько ведущих направлений современной американской достоевистики: исследования поэтики и повествовательных стратегий, психологические интерпретации, религиоз-

но-философские исследования и компаративистские работы. Несмотря на различие методологических подходов, большинство современных исследований объединяет стремление рассматривать творчество Достоевского как самостоятельный источник философских, этических и эстетических идей, а не как материал для иллюстрации заранее заданных теоретических схем.

Характерной особенностью американской славистики начала XXI века становится междисциплинарность, сочетающая методы литературоведения, философии, религиоведения, психологии и культурной истории. Благодаря этому Достоевский предстает не только как классик русской литературы, но и как один из ключевых участников мирового интеллектуального диалога о природе человека, свободы, веры и нравственной ответственности.

Цитированная литература

- Бахтин, Михаил М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. Москва: Советская Россия, 1979.
- [Bakhtin, Mikhail M. Problemy poëtiki Dostoevskogo. 4-e izd. Moskva: Sovetskaiâ Rossiâ, 1979]
- Allen, Elizabeth. (ed.) Before They Were Titans. Essays on the Early Works of Dostoevsky and Tolstoy. Boston: Academic Studies Press, 2015.
- Apollonio, Carol. Dostoevsky's Secrets: Reading Against the Grain. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2009.
- Bagby, Lewis. First Words. On Dostoevsky's Introductions. Boston: Academic Studies Press, 2015.
- Belknap, Robert. The Genesis of the Brothers Karamazov: The Aesthetics, Ideology, and Psychology of Making a Text. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1990.
- Berman, Anna. Siblings in Tolstoy and Dostoevsky. The Path to Universal Brotherhood. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2015.
- Blake, Elizabeth. Dostoevsky and the Catholic Underground. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2014.
- Blank, Ksana. Dostoevsky's Dialectics and the Problem of Sin. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2010.
- Cassedy, Steven. Dostoevsky's Religion. Stanford: Stanford University Press, 2005.
- Contino, Paul. Dostoevsky's Incarnational Realism Finding Christ among the Karamazovs. Eugene, OR: Cascade Books, 2020.
- Corrigan, Yuri. Dostoevsky and the Riddle of the Self. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2017.
- Dalton, Elizabeth. Unconscious Structure in "The Idiot": A Study in Literature and Psychoanalysis. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1979.
- Evdokimova, Svetlana, Vladimir Golstein. (eds.) Dostoevsky Beyond Dostoevsky. Science, Religion, Philosophy. Boston: Academic Studies Press, 2016.
- Evdokimova, Svetlana. (ed.) Dostoevsky's "The Gambler": The Allure of the Wheel. Lanham, MD: Lexington Books, 2024.

- Frank, Joseph. *Dostoevsky: A Writer in His Time*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010.
- Fusso, Susanne. *Discovering Sexuality in Dostoevsky*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2006.
- Gasparov, Boris, Robert P. Hughes, Irina Paperno (eds.) *Cultural mythologies of Russian modernism : from the golden age to the silver age*. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Givens, John. *The Image of Christ in Russian Literature. Dostoevsky, Tolstoy, Bulgakov, Pasternak*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2018.
- Holland, Kate. *The Novel in the Age of Disintegration. Dostoevsky and the Problem of Genre in the 1870s*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2013.
- Jackson, Robert. (ed.) *A New Word on "The Brothers Karamazov"*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2004.
- Jackson, Robert. *Dialogues with Dostoevsky: The Overwhelming Questions*. Stanford, California: Stanford University Press, 1993.
- Jackson, Robert. *The Art of Dostoevsky: Deliriums and Nocturnes*. Princeton, N.J.: Princeton University Press 1981.
- Jones, Malcolm. *Dostoevsky after Bakhtin. Readings in Dostoevsky's Fantastic Realism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Kitzinger, Chloë. *Mimetic Lives. Tolstoy, Dostoevsky, and Character in the Novel*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2021.
- Kodjak, Andrej, Krystyna Pomorska, Stephen Rudy (eds.) *Myth in Literature*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985.
- Leatherbarrow, William. *A Devil's Vaudeville. The Demonic in Dostoevsky's Major Fiction*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2005.
- Love, Jeff, Jeffry Metzger. (eds.) *Nietzsche and Dostoevsky. Philosophy, Morality, Tragedy*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2016.
- Martinsen, Deborah. *Dostoevsky's "Crime and Punishment". A Reader's Guide*. Boston: Academic Studies Press, 2022.
- Martinsen, Deborah. *Surprised by Shame. Dostoevsky's Liars and Narrative Exposure*. Columbus, OH: The Ohio State University Press, 2003.
- Marullo, Thomas. *Fyodor Dostoevsky: Darkness and Dawn (1848–1849). A Life in Letters, Memoirs, and Criticism*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2024.
- Marullo, Thomas. *Fyodor Dostoevsky: In the Beginning (1821–1845). A Life in Letters, Memoirs, and Criticism*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2016.
- Marullo, Thomas. *Fyodor Dostoevsky: The Gathering Storm (1846–1847). A Life in Letters, Memoirs, and Criticism*. Ithaca, NY: Northern Illinois University Press, 2020.
- Matlaw, Ralph. *The "Brothers Karamazov" novelistic technique*. S.-Gravenhage: Mouton, 1957.
- Matzner-Gore, Greta. *Dostoevsky and the Ethics of Narrative Form. Suspense, Closure, Minor Characters*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2020.
- McReynolds, Susan. *Redemption and the Merchant God. Dostoevsky's Economy of Salvation and Antisemitism*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2008.

- Meerson, Olga. Dostoevsky's Taboos. Dresden: Dresden University Press, 1998.
- Meyer, Priscilla. How the Russians Read the French. Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2010.
- Miller, Robin. Dostoevsky and the Idiot: Author, Narrator, and Reader. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981.
- Miller, Robin. Dostoevsky's Unfinished Journey. New Haven, CT: Yale University Press, 2007.
- Miller, Robin. The Brothers Karamazov: The Worlds of the Novel. New-York: Yale University Press, 1992.
- Muchnic, Helen. Dostoevsky's English reputation. 1881-1936. New-York: Octagon Books, 1969.
- Orwin, Donna. Consequences of Consciousness: Turgenev, Dostoevsky and Tolstoy. Stanford: Stanford University Press, 2007.
- Patyk, Lynn. Dostoevsky's Provocateurs. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2023.
- Perlina, Nina. Varieties of Poetic Utterance: Quotation in "The Brothers Karamazov". Lauham and London: University Press of America, 1985.
- Rosenschild, Gary. Challenging the Bard: Dostoevsky and Pushkin. A Study of Literary Relationship. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2013.
- Rosenschild, Gary. "The Realization of the Collective Self: The Rebirth of the Religious Autobiography in Dostoevsky's *Zapiski iz Mertvogo Doma*". Slavic Review 50:2, 1991: 317–327.
- Rosenschild, Gary. The Ridiculous Jew. The Exploitation and Transformation of a Stereotype in Gogol, Turgenev, and Dostoevsky. Stanford: Stanford University Press, 2008.
- Rosenschild, Gary. Western Law, Russian Justice. Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2005.
- Ruttenburg, Nancy. Dostoevsky's Democracy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2008.
- Scanlan, James. Dostoevsky the Thinker. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2002.
- Schur, Anna. Wages of Evil. Dostoevsky and Punishment. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2013.
- Spektor, Alexander. Reader as Accomplice. Narrative Ethics in Dostoevsky and Nabokov. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2020.
- Talvj. Historical view of the languages and literatures of the slavic nations; with a sketch of their popular poetry. New-York: G. P. Putnam, 1850.
- Vinokur, Val. The Trace of Judaism. Dostoevsky, Babel, Mandelstam, Levinas. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2009.
- Wilson, Jessica. *Giving the Devil His Due: Demonic Authority in the Fiction of Flannery O'Connor and Fyodor Dostoevsky*. Eugene, OR: Cascade Books, 2017.
- Wilson, Jessica. Walker Percy, Fyodor Dostoevsky, and the Search for Influence. Columbus, OH: The Ohio State University Press, 2017.
- Wyman, Alina. The Gift of Active Empathy. Scheler, Bakhtin, and Dostoevsky. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2016.



Yarmolinsky, Avrahm. Dostoevsky: A Life. New-York: Harcourt, Brace & Co, 1934.

Yarmolinsky, Avrahm. Dostoevski. A Study of his Ideology. *New-York*: Columbia University press, 1921.

Иља Тјатков

САВРЕМЕНА АМЕРИЧКА ДОСТОЈЕВИСТИКА: ГЛАВНИ ИСТРАЖИВАЧКИ ПРИСТУПИ

Резиме

Рад разматра водеће правце проучавања стваралаштва Ф. М. Достојевског у савременој америчкој славистици. Полазећи од кратког прегледа развоја америчке достојевистике, аутор анализира најзначајније студије објављене крајем XX и почетком XXI века, са циљем да утврди доминантне истраживачке тенденције и промене у приступима тумачењу дела великог руског писца. Посебна пажња посвећена је радовима који проучавају поетику Достојевског, његов психолошки увид у природу човека, религијску и филозофску проблематику његовог стваралаштва, као и компаративним истраживањима која његово дело сагледавају у ширем књижевном и интелектуалном контексту. Анализа показује да се савремена америчка достојевистика све више удаљава од једностраних идеолошких или биографских тумачења и усмерава ка сложенијим интерпретативним моделима који повезују књижевну теорију, филозофију, религиологију, психологију и културну историју. Посебно се истиче растуће интересовање за питања наративне етике, интердисциплинарних метода и различитих облика рецепције Достојевског у светској култури. Савремени амерички истраживачи све чешће посматрају његово дело као простор сусрета књижевних, филозофских и религијских дискурса, што омогућава нова читања како појединачних романа тако и целокупног пишневог опуса. На основу анализираних литературе закључује се да америчка достојевистика данас представља једно од најразвијенијих и методолошки најразноврснијих подручја међународних студија о Достојевском. Њен значај огледа се не само у продубљивању разумевања пишневог стваралаштва већ и у укључивању Достојевског у савремене расправе о слободи, идентитету, моралној одговорности, вери и месту човека у модерном свету.

Кључне речи: Фјодор Достојевски, америчке славистичке студије, рецепција, америчка књижевност, психоанализа, наративна етика, интердисциплинарност, филозофија, верски дискурс, упоредна књижевност.